

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

МАЛЬЧИКИ И
ДЕВОЧКИ

Зинаида Гиппиус
Мальчики и девочки

«Public Domain»

1926

Гиппиус З. Н.

Мальчики и девочки / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1926

«Господи! Какая мука, что от беллетриста непременно требуют беллетристики! Помешались на этой самой беллетристике, не знаю, чем и объяснить. Публика, что ли ее требует? Недавно какой-то критик грустно и банально сказал: „Жизнь убила творческую фантазию, литература по преимуществу делается мемуарной“...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус Мальчики и девочки

I

Господи! Какая мука, что от беллетриста непременно требуют беллетристики! Помешались на этой самой беллетристике, не знаю, чем и объяснить. Публика, что ли ее требует? Недавно какой-то критик грустно и банально сказал: «Жизнь убила творческую фантазию, литература по преимуществу делается мемуарной».

Очень верная банальность, но зачем, спрашивается, грусть? Много мы фантазировали, хорошо и отдохнуть. Так нет, публика требует «творческой фантазии».

Бывают исторические полосы, времена, когда всякое «искусство» – безвкусие, и художник, поскольку он художник, безмолвствует. (Мы попали в эту полосу, и, на мой взгляд, из нее еще далеко не вышли.) Но в такие времена особенно усердно «творит» бездарность, и потому публика, – которая не имеет понятия о вкусе и безвкусии, – художественного молчания не замечает: ей что, была бы сказка!

Однако и «мемуарная литература» утомительна в большом количестве. Есть вещи громадного интереса, лучше любого романа... но общий поток скучен. А все же это нам нужно: не праздну «вспоминать», пережевывать прошлое, а думать о нем и по-новому, для будущего, осмысливать его.

Неприятны допотопные воспоминания с привкусом: в старые-то времена как было хорошо! Это вздор. Совсем не было хорошо в старые времена, и дряхлое шамканье это ничуть меня не трогает. Если взглянуть на старое не прежним слепым взором, а теперешними прозревшими глазами – то чего-чего там не увидишь!

Я в допотопные времена не пойду, а раз скажу кое-что о русской молодежи предвоенной и военной, какой мне ее пришлось в Петербурге близко наблюдать.

Теперь она уже не молодежь (кто остался в живых); хоть и была в то время самая зеленая, воистину «мальчики и девочки», да ведь столько лет прошло!

Ужасные вещи сказал мне один из этих бывших «мальчиков», чудом спасший жизнь свою и после спасения сделавшийся неузнаваемым, даже возраста неизвестного: еще молодой, а как будто и старый-престарый, древний.

Вот он что сказал:

– Была ошибка вашего поколения, и нашего, и всех вообще поколений, какие там были, – всей европейской культуры: для чего фантастические выдумки и для чего их надо было друг другу втемешивать, из поколения в поколение передавать? Для чего разные «идеи», какие-то справедливости, права? Люди, мол, плохи... с нашей-то, с выдуманной точки зрения. А реально и просто глядя – ни плохи, ни хороши, только такие, какие на земле уродились, какие были и всегда будут, и какими мы их сейчас видим неслепыми глазами, без идиотских требований. От этих требований – одна мука, притом бесполезная. Большевики содрали со всех одежду, у иных с кожей содрали – разве не мука? А были бы мы заранее голыми, ну и ничего.

– Что вы путаете, – возражаю ему, – так нельзя.

– Не путаю, напротив, распутать хочу. Очень важно сузить круг страданий. Советское, большевистское воспитание – самое по-моему, подходящее. Чуть какая-нибудь Октябрина или Комтрамвай начали ходить – выкидывай их на улицу, пусть промышляют пищу и устраиваются, как знают. И, главное, ничего не внушать, ни о каких «идеалах» не рассказывать. Небось, кому выжить – сам поймет, что для жизни требуется, выкрутится, отгрызётся. Кого

надо – сам загрызет, и не почешется; а его загрызут – оплошал, не на кого пенять. Разве вы не видите, что реальность именно такова; зачем же обманные прикрытия, от которых у нас до сих пор душа кровью плачет?

Он помолчал и прибавил:

– У вас готовый суд, конечно: скажете, что это цинизм отчаяния. Все старая точка зрения. Идеалы. Они фактов не изменяют...

Возражать на этот цинизм отчаяния не хотелось, да и не легко было. В самом деле, если на минуту в корне переменить точку зрения – разве не согласишься, что без «идеалов» удобнее? И не похожи ли мы все, если нас откровенно раздеть, на говорящих зверей? И не лучше ли нам это смиренно принять и, – как говорит один романист, – «не задаваться на макароны?».

Фу, какой сумасшедший соблазн, однако! Если спасшийся прежний «мальчик» мог дойти до этого, уж не счастливее ли не спасшиеся?..

Я расскажу о том, какие они были, многие из наших мальчиков и девочек, в 1914-1916 годах. Конечно, от близкого грядущего «кровавый отблеск» уже лежал на них. А в них самих – уже таилось зерно разложения.

Но что они понимали? Да и что мы-то понимали тогда?

II

Ничего не понимали, но все, в те годы, тосковали, метались, удушались. И, кажется, без различия кругов и возрастов.

Не знаю почему, у меня родилось убеждение, что если стоит еще надеяться на кого-нибудь, то вот на самую раннюю молодежь, на полудетей, на людей послезавтрашних. Очень уж насмотрелись на «седых и лысых» (как мы говорили), на нашу «передовую» интеллигенцию, болтающую и топчущуюся на месте. А между нею и даже «официальной» молодежью, т. е. студентами и всякими молодыми людьми от 25-30 лет, – лег провал. При мне один пожилой интеллигент-общественник просил: «Дайте мне хоть одного студента! Покажите мне живого студента! Чтобы он сидел здесь, за этим столом!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.